

С. ПОЛЬСКАЯ

О рассказе Владимира Набокова «Пасхальный дождь»

Владимир Набоков известен прежде всего как автор многочисленных романов. Однако жанр рассказа занимает в творчестве писателя весьма важное место. Впервые выступив в прозе в начале 20-х годов как новеллист, Набоков продолжал писать рассказы по-русски до самого конца 30-х годов. Их большая часть сначала была опубликована в эмигрантской периодической печати, а затем включена писателем в состав трех сборников: «Возвращение Чорба», «Рассказы и стихи»¹, «Соглядатай»² и «Весна в Фиальте и другие рассказы»³. В общей сложности Набоков написал по-русски около шестидесяти рассказов.

Рассказ «Пасхальный дождь» был написан в 1924 году и напечатан в пасхальном номере берлинского еженедельника «Русское эхо» 12 апреля 1925 года⁴. Это была первая и последняя его публикация. Считалось, что номер еженедельника с этим рассказом Набокова не сохранился⁵. Не сохранился «Пасхальный дождь» и в архивах писателя: рассказ был утерян. Однако после долгих поисков мне удалось найти этот уникальный номер «Русского эха» с набоковским рассказом в одной из библиотек бывшей Восточной Германии 71 год спустя после его выхода в свет.

¹ Берлин, 1930.

² Берлин, 1938.

³ Нью-Йорк, 1956.

⁴ «Пасхальный дождь» был последним из четырех рассказов, напечатанных в этом теперь малодоступном еженедельнике. В 1924 году в «Русском эхе» были опубликованы рассказы «Мечь», «Картофельный Эльф» и «Удар крыла».

⁵ См.: *Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton, New Jersey, 1990. P. 231.

Теперь несколько слов о фабуле рассказа «Пасхальный дождь». Главная его героиня — старая швейцарка Жозефина, вернувшаяся в родную Лозанну после двенадцати лет, проведенных в России, где она была гувернанткой в русской семье. Несмотря на то, что, живя в Петербурге, Жозефина чувствовала себя одинокой, лишней и непонятой, сейчас она тоскует по России и с ностальгией вспоминает свою прошлую жизнь. Действие в рассказе начинается в православную Страстную субботу. Жозефина, которой очень хочется отпраздновать православную Пасху в соответствии с русской традицией, покупает полдюжины яиц, неумело их красит и идет навестить знакомую русскую семью, с которой надеется встретить праздник. Однако она чувствует, что заболевает: у нее сильный озноб и кашель. Скоро бывшей гувернантке становится ясно, что знакомые не хотят ее общества и с трудом дожидаются ее ухода. Она понимает, что все ее усилия были напрасны: праздника совсем не получилось. Дома ей становится совсем плохо: она начинает бредить, и утром врач находит у нее воспаление легких. Пять дней она находится при смерти, но на шестой день неожиданно приходит в себя. Жозефина возвращается из бреда в этот мир в каком-то совершенно новом, радостном и обновленном состоянии. Рассказ заканчивается смехом только что пришедшей в себя героини.

Сразу бросается в глаза, что рассказ «Пасхальный дождь» построен на проходящем через весь текст контрасте двух ни в чем не схожих миров. Один из них — это каждодневная действительность, в которой живет героиня. Лозанна, где Жозефина совершенно одинока и несчастна, представлена как маленький, скучный и ничем не примечательный городок с невзрачными домами и узкими улицами. В описаниях Лозанны неоднократно употребляются существительные с уменьшительными и уничижительными суффиксами. Так, солнце только скользит по «крышам косых каменных домишек, по мокрым проволокам игрушечного трамвая»⁶. Покидая Петербург, Жозефина надеялась, что скоро она будет наслаждаться «уютom родного городка»; однако, вернувшись на родину, она оказалась «в родном и чуждом ей городке, где трудно дышать, где дома построены случайно, вповалку, вкривь и вкось вдоль крутых угловатых улочек».

Характерно, что солнце не задерживается в этом незначительном, как будто ненастоящем, вечно пасмурном городе. День, о котором говорится в рассказе, «выдался тихий,

⁶ Текст рассказа цитируется по первой публикации.

по-весеннему облачный, а к вечеру пахнуло с гор тяжелым ледяным ветром». Когда Жозефина направляется в гости, на дворе «пустынно, сыро и темно». Вечером она идет домой «под шумящими, плачущими деревьями» и видит, что «небо было глубоко и тревожно: смутная луна, тучи, как развалины». Когда героиня приходит в себя после пяти дней болезни, опять идет проливной дождь. Как видно из примеров, атрибутами Лозанны являются: туман, облака, тучи, струящийся дождь. Жозефине постоянно холодно, ее знобит, она никак не может согреться. Краски, которыми пишется этот плачущий мир, все темные, а в облике самой героини есть нечто скорбное. Она носит пенсне с черными ободками, у нее темно-серые глаза и густые, траурные брови. Собираясь красить яйца, она покупает черную кисть; часы у нее тоже черные, а зонтик «узкий, как черная трость». Даже ее соседка, тоже бывшая гувернантка, закутана «в черный платок, отливающий стеклярусом».

Что Жозефина ни делает, все заканчивается неудачей или разочарованием. Она неумело красит яйца, но красная акварель не пристает, и ей приходится опустить яйца в чернила. В результате вместо праздничного пурпурного цвета получается «ядовито-фиолетовый». Героиня хочет сделать надпись на яйце, но забывает русские буквы, и вместо «Х. В.» у нее получается почему-то «Х. Я.». Тоскуя по России и стремясь найти понимание и сочувствие у своих русских знакомых, она надеется на «взрыв горячих сладких слез, пасхальных поцелуев» и ждет, что они «расплачутся и станут тоже вспоминать, рассказывать, и будут они так сидеть втроем всю ночь, вспоминая и плача, и пожимая друг другу руки», и все будет «хорошо, тепло, празднично». Однако знакомые совсем не рады ее визиту и не только не приглашают ее праздновать с ними Пасху, но и дают понять, что ей пора уходить. О Пасхе она говорит «безвкусно и многословно». Причем чувствует сама, что «говорит совсем не то». Жозефина хочет пойти в православную церковь, но поскольку не знает, «когда креститься, как складывать пальцы», она боится, что ей могут сделать там замечание. Возвращаясь домой, рыдающая героиня идет вдоль озера и видит громадного, неуклюжего старого лебедя, безуспешно пытающегося забраться в черную шлюпку, которая качается на черной маслянистой воде у небольшого мола. В этой картине воплощено то чувство беспомощности и неадекватности, которое преследует героиню с ее обреченными на неудачу усилиями вырваться из серой тоскливой обыденности в мир праздника — в другую реальность.

Миру скорби, неудач и разочарований противостоит Россия, о которой постоянно думает бывшая гувернантка. Все, что связано в рассказе с Россией, а точнее говоря, с Петербургом, — ярко, празднично, многоцветно; отличительными признаками этого мира являются великолепие, простор, свет, солнечное сияние, яркие краски, ощущение счастья. Так, Жозефина вспоминает свои ежедневные прогулки «в широком открытом ландо; и рядом с толстым задом кучера, похожим на исполинскую синюю тыкву, сутулилась спина старика — выездного, — золотые пуговицы, кокарда». Это широкое открытое ландо, исполинский кучер, золото пуговиц являют собой разительный контраст с игрушечными трамваями и косыми домишками Лозанны. Бывшая гувернантка вспоминает, как в Петербурге накануне Пасхи красили яйца: лакей приносил «из кухни громадную кастрюлю», и яйца потом «сохли по кучкам, — красные с красными, зеленые с зелеными». На протяжении всего повествования героиня пытается воссоздать этот мир прошлого, который и был ее настоящей жизнью: «настоящая жизнь ее — то есть та часть жизни, когда человек острее и глубже всего привыкает к вещам и людям — протекла там в России, которую она бессознательно полюбила, поняла и где ныне Бог весть что творится...».

Только тяжело заболев, ей удастся попасть в тот мир, куда она так стремится: в Петербург. Дождливая, холодная Лозанна отступает, и бредящая Жозефина видит «горы разноцветных яиц, смуглый блеск Исакия...». Потом «не то солнце, не то баран из сливочного масла, с золотыми рогами, ввалился через окно, и стал расти, жаркой желтизной заполнил всю комнату. А яйца взбегали, скатывались по блестящим дощечкам, стукались, трескалась скорлупа, — и на белке были малиновые подтеки...». Находясь при смерти, она чувствует, как «взволнованный гул счастья обдавал душу», при этом «сказочно синело небо, как гигантское крашеное яйцо, бухали колокола». Жозефине кажется, что в комнату, где она лежит, входит человек, напоминающий ей отца бывшей воспитанницы Элэн. Он садится и разворачивает газету, и гувернантка знает, «что там в этой газете какая-то дивная весть». Но не может разобрать русские буквы; «а гость все улыбался и поглядывал значительно, и, казалось, что вот-вот он откроет ей тайну, утверждает счастье, что предчувствовала она». Потом — «опять запестрели бредовые сны, катилось ландо по набережной, Элэн лакала с деревянной ложки горячую яркую краску, и широко сияла Нева, и Царь Петр вдруг спрыгнул с медного коня, разом опустившего оба копыта, и подошел к Жозефине, с улыбкой

на бурном, зеленом лице, обнял ее, — поцеловал в одну щеку, в другую, и губы были нежные, теплые, — и когда в третий раз он коснулся ее щеки, она со стоном счастья забилась, раскинула руки, — и вдруг затихла». Лишь в бреду, на грани смерти героине удастся разорвать ледяной круг одиночества и отчужденности. Она наконец попадает в Россию, в исполненный праздничного великолепия Петербург и испытывает то счастье, которое ей заказано наяву.

Таким образом, в «Пасхальном дожде» отчетливо звучит тема, которая вообще занимает значительное место в творчестве Набокова: тема Петербурга. (Нужно отметить, что «Пасхальный дождь», пожалуй, единственный набоковский рассказ, где петербургская тема является столь центральной.) К 1925 году Набоковым было написано около шести стихотворений, посвященных Петербургу, родному и любимому городу писателя. В стихотворении 1921 года, где в ностальгическом тоне сопоставляются славное прошлое и печальное настоящее Петербурга, есть такие строки: «О город, Пушкиным любимый, / как эти годы далеки! Ты пал, замученный в пустыне...»⁷. В стихотворении «Петербург» (1922) о гибели города, построенного на болотах, повествуется так: «И пошатнулся всадник медный, / и помрачился свод небес...»⁸. В стихотворении «Петербург» (1923) лирический герой, вспоминая свой «воздушный Петербург», говорит: «Но иногда во сне я слышу звуки / далекие, я слышу, как в раю / о Петербурге Пушкин ясноглазый / беседует с другим поэтом...»⁹. В стихотворении 1923 года «Санкт-Петербург — узорный иней...» опять упоминается великий поэт: «Мой Пушкин бледной ночью, летом, / сей отблеск объяснял своей / Олениной...»¹⁰. Наконец, обращение, которым открывается набоковское стихотворение «Санкт-Петербург» (1924) является отсылкой к Пушкину: «Ко мне, туманная Леила!»¹¹. И далее, во второй строфе: «Нева, лениво шелестя, / как Лета льется. След локтя / оставил на граните Пушкин». Стихотворение завершается строками: «В петровом бледном небе — штиль, / флотилия туманов вольных, / и на торцах восьмиугольных / все та же золотая пыль»¹². Как видно

⁷ Набоков В. Стихотворения и поэмы. М., 1991. С. 299.

⁸ Там же. С. 310.

⁹ Там же. С. 323—324.

¹⁰ Набоков В. Стихи. Ann Arbor, 1979. С. 117.

¹¹ У Пушкина это имя встречается в стихотворении «От меня вечор Леила...» (1936).

¹² Набоков В. Стихотворения и поэмы. С. 366.

из приведенных поэтических примеров, петербургская тема у Набокова с самого начала оказывается неизменно связанной с Пушкиным, который на протяжении всей жизни оставался его непререкаемым и незыблемым авторитетом, а также с Петром I, основателем Петербурга¹³.

Пушкинский след присутствует и в «Пасхальном дожде» — в виде прямой отсылки к последней поэме Пушкина «Медный всадник», которая одним из первых ее читателей была названа «Поэмой о петербургском потопе» или «Поэмой на наводнение 824 года»¹⁴. Одним из центральных фрагментов «Медного всадника» является, как известно, эпизод, в котором потерявшему рассудок герою кажется, что конная статуя Петра оживает и гонится за ним по всему городу. В рассказе «Пасхальный дождь» находящаяся в бреду Жозефина видит, как вдруг оживший царь Петр спрыгивает с медного коня, подходит к ней и трижды ее целует. Но если у Пушкина оживший Петр грозен, горделив и зловец, то у Набокова ситуация обратная: здесь царь добр, ласков и даже нежен; его троекратный пасхальный поцелуй погружает героиню в эйфорию счастья. Вообще нужно заметить, что петербургская тема реализуется в рассказе Набокова весьма характерно. У Пушкина в первой части поэмы на мрачный, темный, осенний Петербург обрушивается дождь, который и приводит к страшному наводнению. В результате этого наводнения герой лишается возлюбленной, а потом сходит с ума и погибает. Виноват во всех этих несчастьях царь Петр, построивший Петербург на болотах и сделавший его столь уязвимым для стихий. Как уже говорилось выше, в рассказе Набокова описания темной, сырой, неприветливой Лозанны перемежаются с описаниями великолепного, сверкающего золотого Петербурга — таким он остался в воспоминаниях бывшей гувернантки¹⁵. Если у Пушкина медный

¹³ «Во всех поэтических сборниках Набокова прослеживаются мотивы и образы, восходящие к лирике Пушкина. Прежде всего это касается петербургской темы в творчестве Набокова, когда его воспоминания об «утраченном рае», каким ему представляется город его детства и юности, проецируются на гармонический фон пушкинского города». (*Старк В.* Пушкин в творчестве В. В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 779).

¹⁴ *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...» Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1985. С. 6. Интересно, что в Берлине в начале 20-х годов выходил альманах под названием «Медный всадник», где среди прочего печатались и стихи Набокова.

¹⁵ Таким он, кстати, представлен и во «Вступлении» к «Медному всаднику».

истукан является причиной несчастья и гибели героя, то у Набокова магический пасхальный поцелуй Петра, кажется, спасает Жозефину от смерти. Лишь побывав в сказочно-феерическом Петербурге, обновленная героиня как будто снова воскресает к жизни. Несущий смерть и разрушение «петербургский потоп» трансформируется у Набокова в искупительный «пасхальный дождь», знаменующий выздоровление героини.

Следует отметить, что отчетливая, проходящая через весь рассказ оппозиция между ничем не примечательной каждодневной жизнью героини и жизнью ее души (которая и является жизнью истинной) отнюдь не случайна: на контрасте между мечтой и действительностью, сном и явью, реальностью и воспоминанием будут строиться и многие другие произведения Набокова. Интересно, что в столь раннем рассказе уже вполне артикулированно (и даже несколько схематично) представлено то знаменитое набоковское «двоемирие», которое является отличительной чертой творчества писателя. Характерно, что Петербург оказывается тем почти потусторонним счастливым миром, куда устремлены все помыслы героини¹⁶. «Пасхальный дождь» — отнюдь не единственный рассказ раннего периода, написанный в откровенно ностальгическом ключе. Важно также отметить, что именно близость смерти сопряжена здесь с экстатическим ощущением счастья, а также со световым озарением: это не раз повторится и в других произведениях Набокова.

Рассказ «Пасхальный дождь» примечателен еще в одном отношении. Нетрудно заметить, что его текст близок с другим произведением Набокова, существующим в четырех версиях и на трех языках. Первая из них — это рассказ «*Mademoiselle*», написанный в 1936 году по-французски. В 1943 году в «*Atlantic Monthly*» выходит авторизованный перевод рассказа на английский язык. Постепенно из этого рассказа, носящего явно автобиографические черты, вырастает книга воспоминаний Набокова «*Conclusive Evidence: A Memoir*»¹⁷, которая выходит в 1951 году, а «*Mademoiselle*» в несколько видоизмененном

¹⁶ «Пасхальный дождь», безусловно, представляет собой еще один «петербургский текст» в том смысле, в котором это понятие употребляет В. Н. Топоров в статье «Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему)» (Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984. С. 4—29).

¹⁷ New York, 1951.

виде становится пятой главой этой книги. В 1954 году появляется русская версия воспоминаний — «Другие берега»¹⁸. Наконец, в 1966 году выходит по-английски «Speak, Memory: An Autobiography Revisited»¹⁹ — еще одна версия воспоминаний писателя.

Главной героиней рассказа «Mademoiselle » является пожилая гувернантка-француженка, которая приехала из Швейцарии в Петербург и прожила там много лет в русской семье. После этого она возвращается в родную Лозанну, где в начале двадцатых годов ее навещает рассказчик, ее бывший воспитанник. Через несколько лет после этой встречи он узнает, что она умерла. Прототипом Mademoiselle была Сесиль Миотон (Сйсиль Miauton), приехавшая в 1905 году из Лозанны в Россию и прожившая восемь лет в семье Набоковых²⁰. Сначала она была гувернанткой мальчиков — Владимира и Сергея, а потом занималась младшими сестрами Набокова.

Чрезвычайно интересно, что в «Mademoiselle » Набоков почти дословно воспроизводит целые фрагменты из рассказа «Пасхальный дождь», написанного двенадцатью годами ранее. Вот несколько примеров таких совпадений²¹. В «Пасхальном дожде» описываются руки Жозефины (которую, кстати, ее русские знакомые называют «Mademoiselle») — «худые, обтянутые глянцевиной кожей, в старческих веснушках, с белыми пятнышками на ногтях». Она надевает «пенснэ с черными ободками», от которого ее темно-серые глаза становятся «строгими, под густыми, траурными бровями, сросшимися на переносице». В «Других берегах» Набоков вспоминает свою гувернантку Mademoiselle: ее «густые мужские брови над серыми <... глазами за стеклами пенснэ в черной оправе» (85); ее руки, которые были неприятны ему «каким-то лягушечьим лоском тугой кожи по тыльной стороне, усыпанной уже старческой горчицей» (93). Выше говорилось, что Жозефина с ностальгией думает о России, «которую она бессознательно полюбила, поняла». Mademoiselle, вернувшись в родную Швейцарию, с таким «жаром вспоминала свою жизнь в России, как если бы это была ее утерянная родина» (108), хотя во время

¹⁸ New York, 1954. Здесь будут приводиться цитаты по изданию 1978 года (Ann Arbor, Michigan).

¹⁹ New York, 1966.

²⁰ См. *Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years*. P. 60.

²¹ Сравнивая эти два рассказа, я буду здесь цитировать соответствующие фрагменты из русской версии «Mademoiselle », т. е. из пятой главы «Других берегов». Номер страницы дается в скобках.

своего пребывания там постоянно чувствовала себя одинокой и несчастной. По соседству с Жозефиной живет м-ль Финар, тоже бывшая гувернантка — «маленькая, худенькая, с подстриженными, сплошь седыми волосами»; она и ухаживает за своей заболевшей подругой. В «Других берегах» лучшим другом Mademoiselle «была теперь сухая старушка, похожая на мумию подростка» (108), бывшая гувернантка матери Набокова Mlle Golaу, которая тоже вернулась из России в Швейцарию.

Одним из центральных моментов рассказа «Пасхальный дождь» является фрагмент, в котором Жозефина, возвращаясь домой, видит, как «на краю небольшого мола жидко светится изумрудный фонарь, а в черную шляпку, что хлюпала вниз, влезает что-то большое, белое... Присмотрелась сквозь слезы: громадный старый лебедь топорщился, бил крылом, и вот неуклюжий, как гусь, тяжело перевалился через борт; шляпка закачалась, зеленые круги хлынули по черной маслянистой воде, переходящей в туман». В этой связи интересно отметить, что через весь рассказ «Mademoiselle » проходит тема птицы, непосредственно связанная с героиней повествования. Это, естественно, касается и пятой главы воспоминаний, причем тема птицы выстроена наиболее отчетливо именно в русской версии воспоминаний. Так, то единственное русское слово «где», которое знала Mademoiselle, звучало у нее «граем потерявшейся птицы» (87). Когда она, приехав из Швейцарии, впервые появляется на перроне, «на ней пальто из поддельного котика и шляпа с птицей» (87). Потом, в следующем абзаце, рассказчик описывает ее «чудовищно» преувеличенную тень — «с муфтой и в шляпе, похожей на лебедя» (87—88). Эта же шляпа будет упомянута еще один раз, когда рассказчик вспоминает «распущенное невским ветром крыло птицы с одним красным глазком, на шляпе у Mademoiselle» (102) во время весенней прогулки в ландо. Говоря о языке своей гувернантки, Набоков пишет, что «она взмывает на крыльях глупейших гипербол, когда не придерживается благоразумнейших общих мест» (88). С другой стороны, он отмечает, как она страдала, зная, «что никем не ценится соловьиный голос, исходящий из ее слонового тела» (105).

Однако тема птицы раскрывается наиболее полным образом в седьмой (заключительной) части рассказа «Mademoiselle » (ей соответствует восьмая часть пятой главы «Других берегов»), где рассказчик повествует о том, что в начале двадцатых годов он заехал в холодную, дождливую Лозанну и посетил свою бывшую гувернантку. Перед отъездом он «вышел пройтись вокруг озера холодным, туманным вечером. В одном месте

особенно унылый фонарь разбавлял мглу <... . За парашетом шла по воде крупная рябь, почти волна <... . Вглядываясь в тяжело плещущую воду, я различил что-то большое, белое. Это был старый, жирный, неуклюжий, похожий на удода, лебедь. Он пытался забраться в причаленную шлюпку, но ничего у него не получалось. Беспомощное хлопанье его крыльев, скользкий звук его тела о борт, колыханье и чмоканье шлюпки, кленчатый блеск черной волны под лучом фонаря — все это показалось мне насыщенным странной значительностью <... . Память об этой пасмурной прогулке вскоре заслонила другими впечатлениями; но когда года два спустя я узнал о смерти сироты-старухи <... , первое, что мне представилось, был <... именно тот бедный, поздний тройственный образ: лодка, лебедь, волна» (109—110)²².

Очевидная близость текстов — ведь фрагмент с лебедем произведен в рассказе 1936 года почти дословно — позволяет заключить, что прототипом героини рассказа «Пасхальный дождь» является та же Сессиль Миотон, а также и то, что рассказ, написанный в 1924 году, по-видимому, вырос из впечатлений, оставшихся у Набокова от последней встречи с его бывшей гувернанткой. Таким образом, «Пасхальный дождь» можно рассматривать как самую раннюю версию воспоминаний писателя, последняя редакция которых появится спустя 42 года. Следует также заметить, что в рассказе «Пасхальный дождь» есть и некоторые другие автобиографические детали. Так, воспитанницу Жозефины зовут Элэн. Еленой звали одну из младших сестер Набокова; Сесиль Миотон стала ее гувернанткой, когда Владимир и его брат Сергей подросли. В рассказе упоминается и Морская улица (живя в Петербурге, Жозефина «бывала в красной кирке, в конце Морской улицы»), где находился дом Набоковых.

²² Образ старого лебедя из «*Mademoiselle*» Дж. Фостер, посвятивший анализу рассказа и его последующим трансформациям свою статью, связывает со стихотворением Бодлера «Лебедь» («*Le Cygne*»), которое «deploys themes of memory, exile, and loss that strikingly parallel major concerns in “*Mademoiselle*”» (*Foster J. B. An Archeology of “Mademoiselle”: Narrative Between Art and Memory. A Small Alpine Form: Studies in Nabokov’s Short Fiction* / Ed. C. Nicol and G. Barabtarlo. New York, 1993. P. 120). Интересно отметить, что в 1924 году (т. е. примерно в то же время, когда был написан рассказ «Пасхальный дождь») Набоков переводит на русский язык знаменитое стихотворение Бодлера «Альбатрос», где пойманная матросами громадная неуклюжая птица описывается почти теми же словами, что старый лебедь из «Пасхального дождя».

Как говорилось выше, «Пасхальный дождь» заканчивается несколько неожиданно: после пяти дней забытья и бреда Жозефина вдруг приходит в себя. Она чувствует, что «воскресла, что вернулась издалека из тумана счастья, чудес, пасхального великолепия». А ведь можно было бы ожидать, что этот пасхальный рассказ закончится, так сказать, каноническим образом, т. е. смертью героини, ее посмертным воскресением и приобщением к вечности. Однако, несмотря на весь ход повествования, этого не происходит, и героиня возвращается на землю. Объяснение этому, возможно, содержится в конце рассказа «Mademoiselle », где рассказчик говорит о Mademoiselle следующее: «She spent all her life in feeling miserable; this misery was her native element; its fluctuations, its varying depths, alone gave her the impression of moving and living. What bothers me is that a sense of misery, and nothing else, is not enough to make a permanent soul. My enormous and morose Mademoiselle is all right on earth but impossible in eternity»²³. Иными словами, Жозефина возвращается к жизни по той причине, что она просто не заслуживает вечности: ей словно в последний момент дается еще один шанс.

Рассказы «Пасхальный дождь», «Mademoiselle », пятая глава воспоминаний писателя — все они обращены к Сесиль Миотон. Образ той же гувернантки «вкраплен» (85) в начало романа 1929 года «Защита Лужина», о чем сам Набоков говорит в той же пятой главе «Других берегов». Веранда с цветными стеклами, на которой гувернантка обычно читала мальчикам, упоминается в рассказах «Рождество»²⁴ (1924) и «Обида»²⁵ (1931). Наконец, чертами Сесиль Миотон наделена француженка-гувернантка Ларивьер из романа 1969 года «Ada or Ardor: A Family Chronicle»²⁶. Возникает вопрос: почему Набоков в течение всей своей творческой жизни неоднократно обращается к этому образу? Ведь он совсем не был близок со своей гувернанткой, а ее литературные вкусы казались ему плоскими и нелепыми. В «Других берегах» он пишет, что к настоящей французской литературе он «приобщился не через нее, а через рано открытые <... книги в отцовской библиотеке» (105). Однако именно ей он был обязан знанием французского языка, которым она владела в таком совершенстве, а также,

²³ Nabokov's ozen. Harmondsworth, 1971. P. 158. Весь этот фрагмент отсутствует в «Других берегах».

²⁴ Возвращение Чорба. Ann Arbor, Michigan, 1976. С. 68.

²⁵ Соглядатай. Ann Arbor, Michigan, 1978. С. 98.

²⁶ Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian Years. P. 69.

что гораздо важнее, с ней, как и с Петербургом, связаны важнейшие для всего набоковского творчества темы: детства и памяти. Они и обозначены в рассказе «Пасхальный дождь».

Mademoiselle Сесиль Миотон умерла 3 октября 1927 года в Лозанне. Ей было тогда 67 лет. Ее воспитанник Владимир Набоков пережил ее на 50 лет. К странным совпадениям следует отнести тот факт, что он умер также в Лозанне и похоронен в Монтрё, т. е. совсем недалеко от того самого озера и от той, с кем связаны его самые ранние детские воспоминания.

